

УДК 128; 130.2

ЭСТЕТИКА ВРЕМЕНИ И ВОЗРАСТНОЙ ЭТОС*

© С. А. Лишаев

Лишаев
Сергей Александрович
доктор философских наук,
профессор
профессор кафедры
философии и истории
Самарский государственный
аэрокосмический
университет им. академика
С. П. Королева
(национальный
исследовательский университет)
Самарская
гуманитарная академия
lishaevs@bk.ru

В статье рассматриваются смысловые связи между аналитикой эстетики времени, разграничивающей феномены старого и ветхого, молодого и юного, зрелого и мимолетного, и изучением структуры возрастного этоса. Эксплицируются основания вариативности возрастного этоса и обосновывается продуктивность различения условной и безусловной данности Другого в феноменах эстетики времени. Указанное различие утверждается в качестве методологического ориентира в исследовании типологии возрастного этоса.

Ключевые слова: философия возраста, возраст, эстетика Другого, эстетика времени, этос, возрастной этос, типология возрастного этоса.

Эстетика времени и философия возраста. Без предварительного прояснения вопросов общего характера философское исследование возраста рискует оказаться в зависимости от специально-научных (прежде всего, психологических и социологических) подходов к возрастной проблематике. Артикуляция базовых понятий философии возраста призвана дать ориентиры для исследования экзистенциальной структуры отдельных возрастов.

Часть вопросов общего характера была рассмотрена нами в цикле статей по философии возраста. Намечена методологическая перспектива исследования возраста, в основу которой

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00705.

положены принципы экзистенциальной аналитики, а ближайшим образом — темпоральные характеристики возрастов¹. Установка на понимание возраста как модуса существования, формирующегося в результате наложения трансцендентальной структуры временного устройства вне-себя-бытия (Присутствия) на переменные параметры темпоральности, была реализована посредством введения понятий ситуативного, надситуативного и возрастного времени. Соотношение качественных, структурных аспектов темпорального устройства человеческого бытия с меняющейся по ходу жизни величиной его временных моментов (прошлого, настоящего, будущего) было положено в основание возрастной периодизации. Было показано, что периодизация включает в себя два принципиально отличных друг от друга по масштабу темпоральной развертки существования этапы: детство с монополией ситуативного времени и зрелость, основанная на развернутости надситуативного времени. Период зрелости включает в себя три возрастных ступени: молодость, зрелость и старость. В молодости доминирует (надситуативное) будущее, в зрелости — настоящее, в старости — прошлое².

В настоящей статье мы сосредоточим внимание, во-первых, на прояснении того, *как в философской аналитике возраста работает* базовый для герменевтической феноменологии *принцип онтологического различия* (различия сущего и Другого, условного и безусловного, относительного и абсолютного). В рассмотрении этого вопроса мы будем опираться на результаты, полученные в ходе анализа феноменов эстетики времени в концептуальном горизонте феноменологии эстетических расположений (в горизонте эстетики Другого)³.

Прояснив вопрос о соотношении *условной и безусловной эстетики*, мы, и в этом состоит вторая задача нашего исследования, рассмотрим, как данное разграничение связано с *проблематикой возрастного этоса*. Для ее решения мы прибегнем к результатам, полученным в ходе исследования экзистенциальной типологии старости⁴.

Осмысление результатов анализа феноменов эстетики времени в перспективе изучения возраста и возрастного этоса потребует от нас, и это будет третья задача настоящего исследования, проанализировать, что, собственно, представляет собой возрастной этос и возрастное самоопределение. Предстоит выяснить, являются ли возрастные характеристики человека, его возрастной

¹ Лишаев С. А. Философия возраста в пространстве экзистенциальной аналитики: экзистенциальная аналитика и региональная онтология // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2015. № 1(17). С. 33–42; Лишаев С. А. О критериях возрастной периодизации (материалы к философии возраста) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». 2015. № 4. Том 2. С. 66–76.

² Лишаев С. А. О критериях возрастной периодизации... С. 66–76.

³ См.: Лишаев С. А. Эстетика Другого. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008; Лишаев С. А. Эстетика Другого: эстетическое расположение и деятельность. 2-е изд., испр. СПб. : Алетейя, 2012; Лишаев С. А. Эстетика пространства. СПб. : Алетейя, 2015.

⁴ См.: Лишаев С. А. Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. СПб. : Алетейя, 2010. С. 153–204.

этос данностью, с которой приходится иметь дело, или это конструкция и человек (а стало быть и общество) сам формирует свой возрастной этос? Если альтернативная постановка вопроса не приведет к его решению, тогда необходимо будет исследовать взаимодействие между этосом как данностью и конструкцией. Иначе говоря, мы попытаемся ответить на вопрос о том, свободен ли человек по отношению к возрасту и если свободен, то в какой мере.

Эстетика времени на двух уровнях: условные и безусловные эстетические расположения. В феноменологии эстетических расположений «так есть» Присутствия выделено чувством особенного, когда ситуативное «так есть» приобретает (благодаря чувственному открытию в сущем не-сущего, Другого) эстетическую и экзистенциальную ценность (эстетический опыт понимается нами как опыт, в котором утверждается или отвергается онтологическая дистанция, дистанция между сущим и Другим). Эстетическое событие мыслится как событие встречи с условно и безусловно особенным (Другим). На условном (онтическом) уровне дано не Другое, но сущее, которое в качестве особенного отсылает к Другому, знаменует его. На безусловном (онтологическом) уровне дано собственно Другое (как безусловно иное сущему, как сверх-сущее).

В ходе описания эстетических феноменов мы стремились артикулировать специфику того, как именно открывается Другое в зависимости: а) от материала эстетического восприятия и б) от того онтологического уровня, на котором происходит его открытие. Было показано, что внешним референтом эстетического события могут быть тела, взятые в аспекте их формы (эстетика прекрасного) или существования (феномены эстетики времени), а также модусы пространства разной конфигурации (эстетика пространства).

Время становится предметом эстетического переживания постольку, поскольку временная определенность сущего (молодое оно или юное, мимолетное или старое и т. д.) влечет нас как что-то особенное. В расположениях эстетики времени Другое открывается не через чуждость вещи, а через ее возможность/невозможность быть иной, отсылающую к существованию, а не к сущности.

Эстетика времени включает в себя несколько расположений, среди которых имеются феномены, относимые нами к *эстетике возрастов*. В них Другое дано условно, относительно. Но имеются также феномены, в которых речь идет о безусловной данности Другого. В них горизонтальное единство трех моментов времени трансцендируется в сингулярность эстетического события, так что «предметом» переживания оказывается не одно из направлений времени (будь то прошлое, настоящее или будущее), а само начало временения, то, исходя из чего оно раскрывается в человеке. Мы говорим о феноменах юного, мимолетного и ветхого.

Эстетика молодого, зрелого и старого принадлежит к *эстетике возрастов*, к *условной, онтической эстетике*⁵. Особенное в этих расположениях — переживание одного из направлений горизонтального времени. В старом (древнем) — это прошлое, в молодом — будущее, в зрелом — настоящее. Когда на

⁵ В эстетике Другого речь шла еще и о феноменах циклического времени, но к анализу возрастов они прямого отношения не имеют.

первый план эстетического переживания выходит старость как зримое в образе прошлое, это значит, что мы имеем дело — эстетически — с тем, что существует относительно давно (с тем, что может стать еще старше). Абсолютно старого не бывает. Также и молодое, являющее в своем образе будущее, переживается как условное, относительное будущее (всегда есть что-то более и менее молодое). Будущее, которое переживается через образ молодости, зависимо от сущего, от его чувственно воспринимаемой потенциальности, обещающей (являющей) определенную перспективу развития.

В расположениях юного, ветхого и мимолетного Другое открывает себя не условно (через то или иное направление горизонтального времени), а безусловно, как над- или вневременное *начало временения*, как Время с заглавной буквы, как вечность. Начало времени, открытое в этих феноменах, иное прошлому, настоящему и будущему как векторам внутримирового времени, в триедином горизонте которого человек воспринимает и понимает сущее: это не переживание определенного времени, это чувство Другого, вневременного. В ветхом, юном и мимолетном условное, горизонтальное время эстетически (в переживании безусловно особенного) трансцендируется в пользу вневременного начала временения.

В ветхом как эстетическом расположении *трансцендируется прошлое* (эстетически ветхая вещь — это вещь, которая уже не может постареть, не может быть иной), *в юном — будущее* (в опыте юного открывается не *определенное будущее*, а образ чистой возможности иного), *в мимолетном — стянутое в краткосрочность на-глазах-исчезающего настоящее* (исчезающее настоящее увлекает за собой прошедшее и грядущее; в повседневности настоящее предстает как *длящееся теперь*)⁶.

Условное (временное) и безусловное (вневременное) в герменевтике возраста. Рассматривая возрастную расположенность как предмет философской антропологии, мы описываем *темпорально обусловленные модусы существования, а не эстетические события*, в которых сверхчувственное основание вне-себя-бытия открывается на уровне переживания. Вопросы эстетики — это не антропологические, а онтологические вопросы, они связаны с событиями, в которых сверхчувственное (Другое) открывает себя эстетически. В центре внимания антропологии возраста находится вовсе не эстетическая встреча с временными направлениями или с началом временения. Она фокусируется на возрасте в качестве особого модуса существования, структурирующего *человеческое поведение, мироощущение и деятельность*; ее интересует человек. *Философская антропология* возраста, само собой, не упускает из виду и Другое, но ее внимание сосредоточено не на нем, а на темпоральной разметке человеческой жизни в ее соотносительности с Другим.

Возраст (чувство возраста, возрастные аспекты поведения, возрастное самосознание, возрастная идентификация другого) не зависит от эстетической чувствительности ко времени. Общность эстетического и возрастного (антро-

⁶ Настоящее в созерцании мимолетного трансцендируется, теряет определенность, длительность, которая удерживается, когда вещь воспринимается, как имеющая отдельное от настоящего прошлое и будущее.

пологического) времени обнаруживается глубже — на экзистенциальном уровне: возрастная и эстетическая расположенность имеют своим основанием темпоральное устройство человеческого существования. Именно поэтому результаты исследования феноменов эстетики времени (в которых переживается возможность иного) могут быть полезны и в ходе анализа возрастного этоса, в котором рассматриваются темпорально обусловленные возможности существования на уровне их исполнения/неисполнения «по ходу жизни».

Какие же из концептуальных разграничений, сделанных в эстетике времени, могут быть использованы в антропологическом исследовании возраста? Во-первых, это разделение эстетических расположений на условные (онтические) и безусловные (онтологические), во-вторых, конкретизация этого различия (если говорить об эстетике времени) в форме разведения (при общем предметном референте) феноменов старого и ветхого, молодого и юного, зрелого и мимолетного. Иначе говоря, исследователю возраста стоит обратить внимание на *парность и разноразностность* эстетических феноменов. Двухуровневость расположений эстетики времени может быть использована в анализе возрастных этосов, в прояснении типологии возрастного поведения. Возрасты — это разные способы быть, разные возможности и разные типы этоса. Исследуя отдельные возрасты, можно попытаться выявить онтически (условно) и онтологически (безусловно) ориентированные *возрастные этосы*, корреспондирующие с условными и безусловными расположениями эстетики времени.

Рассмотрение возраста в указанной перспективе — это не только проект. Двухуровневость возрастного этоса была выявлена в старости. По итогам исследования было выделено два типа старческого этоса: старость в горизонте старого (старость, ориентированная прошлым) и старость в горизонте ветхого (старость, ориентированная вне(над)временностью Другого). Анализ старости показал, что дифференциация эстетических феноменов времени на условные и безусловные работает и в антропологическом исследовании возраста, в котором речь идет не об эстетическом событии встречи с тем или иным темпорально данным модусом возможности иного, а об определенном устройстве возрастного (темпорально обусловленного) поведения и мироощущения. Теперь надлежит расширить полученный в исследовании старости опыт и рассмотреть под тем же углом зрения молодость и зрелость.

Понятие возрастного этоса. Чтобы решить эту задачу, следует прояснить соотношение возрастной расположенности и возрастного этоса. Понятие Возрастной этос конкретизирует общее понятие этос (греч. ἦθος — нрав, характер, местопребывание) в его темпоральном аспекте. В современной философии и в гуманитарных науках это понятие не имеет устойчивого терминологического статуса. «У древних греков понятие “этос” имело широкий спектр значений: привычка, обычай, душевный склад, характер человека, т. е. то, что отлично от природы человека»⁷.

⁷ Бахитановский В. И., Согомонов Ю. В. Этос / под ред. В. С. Стёпина // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль. 2001. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1439/%D0%AD%D0%A2%D0%9E%D0%A1 (дата обращения: 20.11.2015).

Возрастной этос — одно из ключевых понятий философии возраста. Под *возрастным этосом* мы понимаем *нравственный характер человека*, привычную форму его поведения и отношения к окружающим, к себе и миру, воплощенную в повседневной жизни *в той мере, к какой она определяется возрастом*. Возрастной этос — это практическая, жизненная мудрость, воплощенная в самом способе (строе) жизни, в поведении человека и в его мироощущении, взятая в аспекте ее неоднородности как *в разные периоды* жизни, так и в пределах *одного периода* жизни. Если под этосом как таковым разумеется «совокупность стойких черт индивидуального характера»⁸, то с помощью понятия «возрастной этос» описываются относительно устойчивые характеристики поведения и мироощущения человека, типичные для того или иного возраста и определяемые его возрастной расположенностью.

Философию возраста интересует возрастной этос как действенное обнаружение возрастной расположенности, а также его неоднородность, вариативность. Если быть молодым, зрелым и старым можно по-разному, то как это «по-разному» определяется? Ответ на этот вопрос может быть получен лишь в специальных исследованиях, посвященных отдельным возрастам, в которых проблема возрастного этоса не теряется из виду. Предварительный анализ *возможности существования разных вариантов возрастного этоса* у людей, принадлежащих к одной и той же культуре, может способствовать проведению специальных исследований молодости, зрелости и старости.

Разнообразие возрастных этосов: причины и следствия. Каждому человеку *приходится* быть ребенком, молодым, зрелым человеком и, наконец, стариком (если, конечно, ему повезет и он пройдет через все этапы жизни). Но поведение людей в разной мере соответствует их фактическому возрасту, а их отношения с собственным возрастом далеки от однозначности. Люди могут признавать его, а могут не признавать, могут вступать с ним в борьбу.

Впрочем, борьба с самим собой, со своим телом и душой (чаще с какими-то их характеристиками), попытки привести их в соответствие с тем, чего «душа хочет», — явление всем хорошо известное, явление типичное для человеческого существа. Присутствовать — значит быть дистанцированным от души и тела, иметь возможность что-то в них принимать или отвергать, заботиться о них или пренебрегать ими, а то и вовсе отрицать (проблема суицида). Не является исключением и возраст, который — и именно потому, что он человеку *дан, открыт* — может им признаваться или не признаваться, приниматься или не приниматься. И хотя в большинстве культур возрастная девиация чаще всего не допускается в сколько-нибудь значительном масштабе, ни одна из них не в силах устранить отклонения от задаваемого телом возрастного сценария, поскольку возможность отклонения коренится в самой структуре вне-себя-бытия, допускающего, среди прочего, и конфликт человека со своим возрастом.

Возрастные изменения тела и сопутствующие им сдвиги в соотношении надситуативных векторов временения требуют соизмерять с ними наше поведение. Соразмерность возрасту — это проблема, которую человеку, хочет он того или нет, приходится решать. Как вне-себя-бытие (Dasein) человек дистанцирован от собственного тела и может до поры до времени не обращать внимания на возраст (не принимать его в расчет), по этой же причине он

способен, признав фактический возраст и не желая его принять, бороться с ним или, напротив, приняв возраст, *формировать возрастной этос* в соответствии с выработанным обществом и — отчасти — конкретным человеком, представлением о совершенном возрасте, о его возможностях и о задачах, которые им ставятся перед человеком в масштабах жизни как целого (идеальные молодость, зрелость и старость).

Как уже было отмечено, традиционные культуры не допускают скольконибудь заметных отклонений от порядка прохождения возрастов, но современное общество (условный Запад) проявляет еще невиданную в истории терпимость к таким отклонениям. Расшатывание социального и культурного контроля над возрастным этосом (*право на выбор* своего *возраста* признается сегодня законным правом каждого человека, если не всеми, то очень многими) вызвало эрозию возрастных моделей поведения. Одни возрастные периоды заметно удлинились, другие — сократились. В этой связи изменились (и стали легитимными для общественного мнения) сроки вхождения человека во взрослую жизнь, в зрелость и старость. Отсюда понятно, что проблема *возрастного этоса* становится сегодня одной из самых острых и злободневных общественных, культурных и экзистенциальных проблем.

Драматизм ситуации определяется тем, что высокий уровень неопределенности и фрагментированности⁹ возрастного этоса не устраняет задаваемых хроно-характеристиками тела темпоральных матриц возрастов, определяемой ими длительности возрастов и порядка их смены. *Право на выбор* возрастного поведения наталкивается на *почти не изменившийся распорядок прохождения через возрастные периоды*¹⁰. Возрастной «сценарий» человеческой жизни в общих чертах известен всем. Свои возрастные «роли»¹¹ мы играем в (пред)оп-

⁸ Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1439/%D0%AD%D0%A2%D0%9E%D0%A1 (дата обращения: 20.11.2015).

⁹ Человек может быть в одном отношении вполне взрослым, а во многих других вести себя, как ребенок. Политическая активность может сочетаться с инфантильным поведением в повседневной жизни. Познавательная зрелость не гарантирует достижения экзистенциальной зрелости в общении, в эмоциональном взаимодействии хотя бы с некоторыми людьми и т. д.

¹⁰ Разумеется, длительность физиологических метаморфоз тела — под воздействием изменившегося характера питания, развития медицины и отношения к нему общества — меняется, но меняется не слишком значительно. Да, ускорилось половое созревание, увеличилась общая продолжительность жизни и т. д., но эти изменения сравнительно невелики по сравнению с масштабом поведенческого продления молодости и сокращения старости.

¹¹ Приходится брать слово «роль» в кавычки, поскольку возраст — это, конечно, не роль. Артист в театре может принять роль, а может от нее отказаться, а человек от возраста — нет (если только он не отказывается при этом от жизни). И все же постольку, поскольку он относится к своему возрасту сознательно и пытается понять его смысл и задачи, прикладывая усилия к выработке возрастного этоса, метафора «роли» и ее «исполнения» представляется уместной. Ребенок играет во взрослого, но он — не взрослый. Взрослый проживает (исполняет) свою зрелость, но он в нее не играет. Зато он может играть роль ребенка (дурачиться, ребячиться).

ределенной темпоральными характеристиками тела последовательности и в не нами определенные сроки. Произвольная деконструкция и реконструкция возрастных этосов как регулятивная установка современной культуры вступает в конфронтацию с реальностью человеческого тела, накапливающего временные изменения. В результате напряжение между природным (биологическим) возрастом и социально и персонально выстраиваемым этосом достигло небывалой интенсивности¹². Социально и персонально приемлемое для многих людей эпохи постмодерна отклонение от фактического возраста (то есть от того, который задается темпоральными параметрами тела и складывается произвольно) для части их современников, среди которых есть и специалисты (медики, психологи, социологи, демографы и др.), представляется опасной игрой с человеческой природой, сопровождающейся множеством опасных для общества явлений (кризис семьи, демографические, психологические и социальные проблемы, лишь усугубляемые легитимацией позднего взросления и старения).

Ничто сегодня не мешает человеку долгое время уклоняться от исполнения возрастной роли, которую предлагает тело (социальная политика возраста либеральна как никогда), отдавая предпочтение иному, привычному или любимшемуся возрасту. И все же успеха в столкновении с возрастной фактичностью жизни можно достичь *лишь на время и до некоторой степени*. Чем дольше человек отказывается от исполнения возможностей текущего возраста, тем большим будет наш экзистенциальный проигрыш (ущерб, наносимый возрастной девиацией обществу, — тема, заслуживающая особого обсуждения).

Таким образом, хотя радикально отклонить какую-то из исполняемых в хронотеатре жизни возрастных «ролей» (даже если предписанный возраст нам «не по душе») человек не в силах, исполнять их он может по-разному: с разной степенью совершенства, с большей или меньшей самоотдачей, с желанием или нехотя, с тем или иным пониманием задач, которые ставит перед ним возраст¹³.

Непроизвольное и произвольное в возрастном этосе. Разнообразие в возрастном поведении людей, сложности прохождения через определенные периоды жизни (возрастные кризисы) связаны с двойственностью формирования возрастного этоса, который складывается во взаимодействии произвольно сложившегося этоса с нашими представлениями о возрасте, о своем возрасте, с нашей способностью и готовностью работать над возрастным этосом. Рассмотрим, что собой представляет непроизвольный возрастной этос и как он изменяется под воздействием человеческого сознания и воли.

¹² Сегодня и 35-летний человек может вести себя как двадцатилетний, а шестидесятилетний уверенно заявлять о себе как о том, кто «еще молод», во всяком случае «молод душой».

¹³ Молодой человек уже способен исполнять обязанности взрослого человека, но упорно от этого уклоняется, а если это сделать не удастся, то исполняет их небрежно, как нечто навязанное ему извне, то есть «ведет себя, как ребенок», инфантильно. Инфантильность — не определение детского этоса, а определение образа действий взрослого человека, который вовремя не повзрослел. Инфантилен тот, чей возрастной этос не совпадает с возрастом, который вменяется ему его телом.

1) *Непроизвольный возрастной этос.* Связанный с возрастом характер поведения человека, его нравственный характер может формироваться непроизвольно, то есть без того, чтобы он что-то для этого делал (думал над своим возрастом, корректировал свои действия в соответствии с его пониманием и т. д.). Возрастной этос реализуется *независимо от нашего желания*. Он определяется темпоральной вместимостью человеческого тела и меняющейся по ходу жизни величиной временных горизонтов настоящего-будущего-прошлого. Возрастная расположенность — это данность, которой соответствует определенный нравственный характер (молодой человек ведет себя иначе, чем старый, независимо от того, насколько он осознает свой возраст, его возможности и задачи).

Непроизвольность возрастного этоса не исключает *возрастного самосознания*. Человек может не отдавать отчета в том, что его поведение имеет возрастные характеристики, но не в том, что он находится в такой-то поре, что у него есть определенный возраст.

2) *Возрастной этос, возрастное самосознание и работа со своим возрастом.* В силу того, что Присутствие не тождественно присутствующему (сущему человек), возрастное самосознание может не совпадать с фактическим возрастом человека. Оно или «забегает вперед», или отстает от фактического возраста, или свидетельствует о нем. В том случае, если возрастное самосознание не соответствует фактическому возрасту и непроизвольному возрастному этосу, возникает конфликт между самосознанием и возрастной расположенностью человека.

Возрастной этос, таким образом, зависит от возрастного самосознания, от *признания/непризнания* возраста (мы говорим о признании возраста как особого модуса существования, определяемого темпоральными характеристиками тела и вменяемого человеку общественной средой).

Конфликт фактического возраста (и генерируемого им этоса) и возрастной идентичности, признаваемой человеком «за свою», может продолжаться долго (иногда — годы), но через какое-то время он — в норме — все же разрешается: возрастное самосознание приходит в соответствие с темпоральными характеристиками тела и с возрастными ожиданиями общества.

В переходные периоды (от детства к зрелости, от молодости к зрелости, от зрелости к старости) расхождение между фактическим возрастом человека, возрастом социально ожидаемым и возрастным самосознанием возникает (хотя бы на короткое время) с необходимостью. Однако экзистенциальной и социальной проблемой это расхождение становится только в тех (в современной культуре все более частых) случаях, когда оно не снимается длительное время, превращаясь в устойчивое рассогласование фактического возраста и возрастного самосознания.

Признание фактического возраста по-разному воздействует на возрастной этос в зависимости от того, *принимается* признанный возраст или, напротив, *не принимается*. Если возраст не принимается (*непризнание* возраста в некоторых случаях можно рассматривать как форму его неприятия), это усугубляет конфликт между желаемым и нежеланным, хотя и признанным возрастом: столкновение становится открытым, явным и оказывает воздействие на возрастной этос. Конфликт со своим возрастом может принимать активные

(волевое, упорное противодействие тому, к чему склоняет непроизвольно складывающийся возрастной этос) или пассивные формы (недовольство жизнью, компенсирующее невозможность изменить то, что есть, но чего человек не принимает). Неприятие своего возраста не позволяет реализовать экзистенциальные возможности, предоставляемые отвергаемым возрастом. Возрастное поведение в этом случае оказывается неконструктивным, а в экзистенциальном плане — бесплодным.

Признание и *принятие* фактического возраста, напротив, открывают связанные с ним эксклюзивные экзистенциальные возможности и позволяют работать над их воплощением в особый способ (умение) быть сообразно с возрастом. Вместе с тем следует учитывать, что признание и принятие возраста в работу над этосом автоматически не переходят. Они лишь служат предпосылкой для такой работы.

Осознанное формирование возрастного этоса на основе *принятия* фактического возраста предполагает трезвый взгляд на реальность, решимость и готовность трудиться. Это наиболее продуктивная в экзистенциальном плане модель взаимодействия человека с собственным возрастом, хотя и не самая распространенная. Значительно чаще возрастной этос сегодня формируется полусознательно или даже бессознательно, «сам собой». Человек «просто живет», следуя тому, к чему побуждает его тело, общественное ожидание, предлагающее людям с телами определенного темпорального качества образцы возрастного поведения.

Таким образом, постольку, поскольку в построении возрастного этоса участвует сознание, взаимодействие с собственной возрастной расположенностью может строиться как по негативному, так и по позитивному сценарию. В последнем случае перед человеком открывается возможность участвовать в формировании возрастного этоса и работать над реализацией предлагаемых к исполнению фактическим возрастом экзистенциальных возможностей.

Возрастной этос на двух уровнях (от двухуровневой эстетики к двум уровням возрастного этоса). Исследование проблематики возрастного этоса призвано прояснить экзистенциальные возможности, открываемые возрастом как темпоральным модусом существования. Прежде всего, следует обратить внимание на то, чем определяется горизонт возрастных возможностей: внутренним временем сущего (то есть заботой с ее «для того, чтобы») или тем, что выводит по ту сторону условного времени (к вневременному, вечному).

Если в рамках эстетического анализа чувственной данности временных/вневременных направлений речь идет о разных уровнях *чувственной данности* временного/вневременного как условно или безусловно *особенного*, то в рассмотрении возрастного этоса исследовательское внимание фокусируется на специфических для возраста и определяющих его строй *темпоральных настройках*. Эти настройки могут быть онтическими, условными (задающими конфигурацию экзистенциально-возрастного профиля заботы) или онтологическими (определяющими конфигурацию бытия по ту сторону заботы), первые исходят из сущего и нацеливают на обретение себя в его кругу, вторые исходят из Другого сущего и ориентированы на соответствующее специфике возраста подчинение возрастного нравственного характера Другому.

Онтически ориентированный этос структурирован психофизически и социально заданным соотношением временных горизонтов. Онтологически ориентированный этос нацелен на начало временения. Сообразуясь с ним, он обретает особенную для каждого из возрастов взрослого человека форму¹⁴.

Мы предполагаем (и намерены проверить это предположение в ходе исследования отдельных возрастов), что человек может, пребывая в определенном возрасте, выходить (в разных возрастах по-разному) за пределы временных горизонтов биографического (надситуативного) времени к Другому, вневременному началу времени, или же, что случается чаще, использовать возможности, которые заданы специфической для того или иного возраста раскадровкой сущего в горизонтальных измерениях прошлого, настоящего и будущего.

Каждый возраст предрасполагает к реализации *возможностей, ориентированных на внутривременный и вневременный уровни экзистирования*. Режим полноты присутствия выводит человека по ту сторону времени, но в возрастном этосе этот режим осуществляется как особенный (для данного возраста) нравственный характер, направленный на удержание открытости Другому, вневременному. Такой этос *надо отличать от точечного (сингулярного) события трансцендирования сущего*. Событие — это нечто иное, чем определенность нравственного характера, воплощаемого в определенном жизненном строе, в поведении, в способах взаимодействия с собой и с миром; это то, что разрывает прозрачное покрывало времени в яркой вспышке религиозно-мистического, эстетического, мыслительного трансцензуса.

Возрастной этос, ориентированный на Другое, не означает выхода из повседневного, временного в сверхвременное измерение присутствия. Экстатическое погружение в Другое возможно, повторим это еще раз, только в сингулярности события, в то время как возрастной этос упорядочивает поведение в его длительности, центрируя его так или иначе в зависимости от того, на что ориентировано возрастное поведение: на сущее или на Другое, на условное или безусловное. Тем не менее связь между возрастным этосом, ориентированным на безусловное, и сингулярностью события (когда мы «теряем время» и находим Другое) имеется: такой этос работает на встречу с Другим, позволяет человеку не терять присутствия духа в суете повседневной жизни. Возрастной этос (как на его условном, так на его безусловном уровнях) можно соотносить с проводившимся в эстетике Другого разграничением эстетического события и эстетической деятельности, которая не сворачивается в сингулярность события, но направлена на него, делает его возможным¹⁵.

¹⁴ Это предположение, если исходить из результатов, полученных в феноменологии эстетических расположений, кажется нам уместным: Другое на безусловном уровне обнаруживает себя в разных эстетических расположениях по-разному в зависимости от того, в каком сущем и как именно оно дано человеку.

¹⁵ Исследование типологии эстетической деятельности позволило выделить ее важнейшие формы: эстетическое паломничество, эстетическое действо и художественно-эстетическую деятельность (см.: *Лишаев С. А. Эстетика Другого: эстетическое расположение и деятельность*. С. 26–101).

Двухуровневая модель анализа возрастного этоса была опробована нами в исследовании экзистенциальной типологии старости. Были выделены два позитивных (связанных с принятием старости, а потому конструктивных) варианта старческого этоса: старость в горизонте старого (старость, не выходящая за рамки того, что предлагается соотношением временных измерений этого возраста) и старость в горизонте ветхого (старческий этос, нацеленный на полноту присутствия за счет выхода за пределы заботы и горизонтального времени возрастных периодов к Другому, вневременному)¹⁶.

Одной из задач будущих работ по философии возраста должно стать рассмотрение того, работает или не работает ключевое для эстетики времени различие условно Другого (онтического, горизонтального времени) и безусловного Другого (как вневременного начала временения) за пределами старости и старческого этоса, в других возрастах взрослой жизни, а также конкретизация экзистенциальной матрицы старости в горизонте старого и старости в горизонте ветхого.

Предстоит, в частности, выяснить, имеются ли в возрастных этосах молодости и зрелости такие типологические формы, которые соответствовали бы разграничениям, проводившимся в эстетике Другого, где различия между молодым и юным, зрелым и мимолетным представляются весьма существенными? Если один и тот же внешний референт (вещь, тело) может входить в эстетические расположения молодого (определенное будущее как особенное) и юного (неопределенное будущее, переживаемое как чистая возможность иного), то можно ли в том, как строит свою жизнь молодой человек, обнаружить что-то подобное этому разграничению (можно ли обнаружить этосы, ориентированные на определенное и неопределенное будущее)? Интересно также было бы рассмотреть и такой возраст, как зрелость, чтобы выяснить, есть ли в этосе зрелого человека что-то подобное эстетическим феноменам зрелости (эстетика настоящего) и мимолетности.

Мы полагаем, что исследование возраста и возрастных этосов должно исходить из того, что этос взрослого человека может иметь разную конфигурацию, типологические характеристики которой определяется тем, как он взаимодействует со своим фактическим, темпорально обусловленным возрастом, как ориентирован строем своей души: онтически и онтологически. При этом методологические маяки-указатели в исследовании типологии возрастных этосов дает эстетика времени.

Итоги. Рассмотрение феноменов эстетики времени показало, что их разнообразие связано с тем, как, на каком предметном материале и на каком уровне — условном или безусловном — обнаруживает себя относительно (условно) или абсолютно (безусловно) Другое. В условных эстетических расположениях предметом переживания оказывается то или иное направление горизонтального времени, в безусловных расположениях — каждый раз по особому открытое начало временения (вневременное, Другое). И условная эстетика времени, в фокусе внимания которой оказывается прошлое (эстетика старо-

¹⁶ Лишаев С. А. Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. С. 179—191.

го), настоящее (эстетика зрелого) и будущее (эстетика молодости), и безусловная, онтологическая эстетика ветхого, юного и мимолетного могут быть полезны в качестве ориентиров в аналитике возрастных этосов. Эти последние хотя и складываются произвольно как поведенческие эффекты трансформации тела и возрастной расположенности, но их конфигурация зависит также и от возрастного самосознания, от работы человека с собственным возрастом. За исключением этоса ребенка, который остается в основе произвольным, возрастной этос — это равнодействующая фактического возраста и того, как с ним обходятся люди: признают свой возраст или нет, принимают его или отвергают, прикладывают усилия по его формированию этоса или остаются пассивными.

Перенесение двухуровневой модели эстетического опыта времени на типологию возрастных этосов намечает перспективу их философского изучения, в ходе которого предстоит выяснить, существуют ли онтически и онтологически ориентированные этосы в границах таких возрастов, как молодость и зрелость. Необходимо будет исследовать, имеется ли в молодости что-то подобное эстетическим феноменам молодого и юного, а в зрелости — эстетическим феноменам зрелого и мимолетного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бакитановский В. И., Согомонов Ю. В.* Этос // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. Москва : Мысль, 2001. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1439/%D0%AD%D0%A2%D0%9E%D0%A1 (дата обращения: 20.11.2015).
2. *Лишаев С. А.* Старое и ветхое: Опыт философского истолкования. Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. С. 153–204.
3. *Лишаев С. А.* О критериях возрастной периодизации (материалы к философии возраста) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия «Философия». 2015. № 4. Том 2. С. 66–76.
4. *Лишаев С. А.* Эстетика Другого. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2008. 380 с.
5. *Лишаев С. А.* Эстетика Другого: эстетическое расположение и деятельность. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург : Алетейя, 2012. 256 с.
6. *Лишаев С. А.* Эстетика пространства. Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. 288 с.
7. *Лишаев С. А.* Философия возраста в пространстве экзистенциальной аналитики: экзистенциальная аналитика и региональная онтология // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2015. № 1(17). С. 33–42.
8. *Философия: Энциклопедический словарь* / под ред. А. А. Ивина. Москва : Гардарики, 2004. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1439/%D0%AD%D0%A2%D0%9E%D0%A1 (дата обращения: 20.11.2015).